

Хроника одного задержания, или история с продолжением

Случилось это ровно 50 лет тому назад. Был конец июля 1959 года.

Как и везде на Государственной границе СССР, очередные пограничные сутки на одной из застав советско-чехословацкой границы начались на Боевом расчете в 20 часов. С этого момента каждый на заставе точно знал, в какой наряд ему предстоит заступить в эти 24 часа, кто будет его напарником, во сколько выходить на службу и когда возвращаться домой — на заставу. Но одно всегда и для всех оставалось неизвестным — никто заранее не ведал, что может произойти в наряде. Будет он обычным и обыденным, или может оказаться таким, что запомнится на все жизнь.

В 22.00 перед начальником заставы для получения Боевого приказа стояли два молодых парня — дагестанец ефрейтор Гаджи Гаджиев и мл. сержант москвич Виктор Васильев. Гаджиев на этой заставе дослуживал уже третий год, а Васильев поступил лишь три месяца назад. Почти два года до этого он, как часто выражаются, «топтал фланги» в суровой и морозной Карелии.

«Товарищ капитан! Пограничный наряд в составе ефрейтора Гаджиева и мл. сержанта Васильева прибыл для получения Приказа на охрану Государственной границы СССР. Старший наряда ефрейтор Гаджиев!»

Приказ получен. Наряд отправлялся «часовым границы» в район «центра».

Участок, доверенный под охрану наряду Гаджиев-Васильев, — «центр» — находился в долине реки. Здесь сходились левый и правый фланги заставы, которые именно отсюда своими дозорными тропами все выше и выше змеились в горы — до высоты 950 метров справа и 600 — слева. Хотя местные жители именовали эту долину «урочищем», в районе «центра» она была довольно широкой — более 500 метров. И лишь ближе к границе ее все больше и больше теснили склоны гор. Две дороги, шедшие по обеим сторонам реки после «центра», сближались на расстояние около 50 метров и дальше, как бы продираясь сквозь заросли прибрежного кустарника, уходили в Чехословакию. Справа от реки открывался вначале довольно ровный подъем на правый фланг (гора Дромадер-600м.), слева начинался крутой подъем на левый фланг, на гору Атос. Здесь в самом начале подъема, в полутора сотне метров от реки, стояла старая, еще деревянная, вышка, каких сегодня уже нигде не встретишь. На ней в дневное время дежурил «часовой границы» этого участка. Охраняемый участок от вышки до подъема на Дромадер был длиной, как уже упоминалось, не более пятисот-семисот метров, но местность была довольно сложной — река в этом месте делала большую петлю, лишь в границах которой была хорошо просматриваемая поляна, со всех сторон обрамленная молодым буковым лесом, а вдоль реки были заросли кустарника, да и дороги за этой открытой поляной прятались в перелесках и изгибах горного рельефа. Т.е. контролировалась только открытая поляна, все остальное практически не просматривалось даже в дневное время. Правда, для того чтобы добраться до КСП, нужно в любом случае пересечь этот участок открытой местности. Тем не менее, если нарушитель задумал бы пересечь границу в этом районе — лучшего места ему бы не найти: две дороги, река, сложный рельеф.

Погода весь день была настоящей летней и солнечной. А вот к концу дня испортилась — зарядил мелкий моросящий и, похоже, не по летнему затяжной, хотя по летнему теплый дождь. Пришлось надевать длиннополые парусиновые плащи, которые не очень были удобны для «дозора», зато весьма практичны для «часового границы».

Добравшись до участка, сразу прошлись вдоль КСП от Дромадера до вышки на Атосе, осветили заграждение из колючки, перекрывающее реку и ее берега, скрытно вернулись назад. Прячась от всепроникающего и нудного дождя, они поудобнее разместились прямо на тропинке подъема на Дромадер, откуда хорошо прослушивалась вся долина. Присели на бревно, прикрыв колени полами плаща, так чтобы вода, стекая с него, не попадала в сапоги. Плащи хорошо спасали от дождя, было даже очень уютно. Мелкий дождь еле шелестел по кустам, было безветренно и поэтому, если не считать этого шелеста, можно утверждать, что тишина была абсолютная — деревья смиренно опустили потяжелевшие от дождя листья, и посему они уже не могли издавать никаких звуков даже при игривых порывах ветра. Неожиданно эту шелестящую тишину нарушили какие-то легкие шлепки, приближающиеся откуда-то со спуска — как будто прыгала лягушка, но только очень больших размеров. Казалось, что с горы на ребят что-то катится. Катится легко и мягко, слегка подпрыгивая, не создавая никакого шума, не считая этих специфических шлепков от мокрого грунта. Как катится, к примеру, мяч, подпрыгивая по мокрому футбольному полю. Они замерли в напряженном вслушивании и всматривании. Но ночь была столь темна, что разглядеть что-то было невозможно на расстоянии даже двух-трех метров. Выдавать себя светом фонаря было бы самой большой глупостью — не для того они здесь притаились! И в этот момент что-то мягко утыкается Васильеву в то место, которое литературно называется «пах». Именно уткнулось, а не ударило, но от неожиданности бедняга моментально схватился за это самое сухое место, которое было сейчас во всей местности. И в этом самом сухом месте он почувствовал под рукой что-то мокрое, но теплое. Прекратились шлепки ...и тишина. Только шелестение дождя. Парень онемел от неожиданности такого ощущения, в испуге оторвав руки от этой теплой мокрой... И в тот же самый момент из-под его полы выскакивает заяц. Бедолага, спасаясь от дождя, отыскал себе сухое местечко, но, наверное, обезумев от такой встречи, кубарем рванул дальше. И опять стали раздаваться, уже удаляясь, теперь понятные им шлепки.

— Что же ты его плащом не накрыл? Или, хотя бы, за уши! — долго потешался Гаджиев. — А что, если это какой-нибудь нарушитель проверяет, где мы тут с тобой притаились. Пустил зайца для проверки. Вот ты нас и выдал. Теперь пойдет в обход.

— Типун тебе на язык, — огрызнулся Васильев. — Накличешь еще! Нарушитель! Так весело началась их, как окажется, действительно не очень скучная ночь.

Человек под видом туриста пересек всю Польшу. Легкая спортивная куртка, небольшой рюкзачок, да суковатый дубовый посох, тщательно выбранный им еще где-то в Альпах — все это создавало облик пешего странника. И вот человек подходил к польско-чехословацко-советской границе. Здесь, в месте так называемого «польского выступа», переходить ее было рискованно — горный массив малолюднен и трудно проходим. Поэтому самый удобный вариант — оказаться на советской территории, перейдя чехословацко-советскую границу. Там горы расступаются, местность более заселенная. Да и на советской территории близко от границы проходит шоссейная и железная дороги. До ближайшей дороги от границы далеко. Поэтому нужно выходить на чехословацкую территорию, перейдя польско-чешскую границу. Пересечь ее было столь же просто, как перейти через обычную проселочную дорогу. Он прекрасно знал, что чешские и польские пограничники ходят только днем, никаких технических средств на границе ни с той ни с другой стороны нет. Поэтому чувствовал себя спокойно. Сложнее было пройти незамеченным по территории Чехословакии несколько десятков километров. Человек прекрасно понимал, что легкость пересечения польско-чешской границы не сулит ему такого же легкого перемещения по территории Чехословакии. Он был хорошо осведомлен, что граница охраняется чехами за счет хорошей связи с местным населением. Если кто-нибудь из местных жителей замечает незнакомца, то об этом тут же становится известно пограничникам. Он был прекрасно осведомлен, что здесь давно существует порядок — за недоносительство местный житель на первый раз будет иметь большие неприятности, а при повторении подлежит высылке с приграничной

зоны, прихватив с собой лишь то, что может унести в руках. Вот почему, оказавшись на чешской стороне, он больше всего боялся встречи с местными жителями. А это значит, что перемещаться можно только в ночное время.

Первая ночь была уже позади, и позади осталось больше 20 км трудной горной местности Чехословакии. До намеченной долины оставалось несколько километров. Наступало утро – из-под белого океана туч, сквозь которые пробивались островки — вершины самых высоких гор, стали просачиваться первые розоватые тона восходящего солнца. А вот оно и само как бы всплыло огромным красным шаром из серой купели облаков. Это вставал новый день. Человеку осталось только спуститься вниз — и цель достигнута – впереди внизу лежала довольно открытая местность, вдали внизу виднелось большое словацкое село. Но идти дальше было уже нельзя, – крестьяне рано встают и выходят на поля. Вероятность встречи с ними в это время очень велика. Пора размещаться на отдых. Тем более, что место само располагало к этому — видно недавно закончился покос, и по всей полонине стояли аккуратные копны свежего сена. Лучшего места для отдыха не придумать. Он долго осматривал и прощупывал чуть ли не каждую копну, пока не нашел, как ему казалось, самое сухое сено. Только успел человек зарыться поглубже в это сухое, с дурманящим ароматом сено и не успел еще даже задремать, как услышал приближающиеся голоса — шли двое мужчин, две женщины и несколько детей. Они расположились в небольшом отдалении от нашего незнакомца и... стали проворно разбрасывать копны — восход предвещал хороший солнечный день, и сено разбрасывалось на досушку.

«Это провал!» – только и успело мелькнуть в голове человека, когда двое мужчин были уже около его копны. Слегка разворошив верхушку, один из них сказал:

– Здесь сено сухое, оставим его напоследок. У нас еще много других с последнего покоса. Да и какой еще день выдастся неизвестно. Вот и облака что-то не собираются разбегаться. Вдруг придется опять срочно все копнить. Можем и не успеть.

С тем и отошли.

– «Неужто пронесло?» – полегчало на душе странника. – «Не зря ведь я выбирал копну посуше, чтобы уютнее было. А оказывается, в этом было и мое спасение.

От резкого спада напряжения, бессонной ночи и трудного пути, он быстро отключился и погрузился в глубокий сон. Проснулся от легкого шелеста — шел довольно сильный дождь, все кругом посерело, и ничего уже не напоминало о солнечном утре. Дождь видно начался давно, потому что все сено было уже опять собрано в копны, и полонина была безлюдна.

Часы показывали 6 часов вечера. До Боевого расчета на пограничных заставах СССР оставалось 2 часа.

Крепким и долгим был сон перед последним броском. Но до ночи еще долго. Можно спокойно отдыхать дальше – отдыха много не бывает, тем более, что самое трудное еще впереди. И вот начало смеркаться. Это уже почти 10 часов вечера.

«Товарищ капитан! Пограничный наряд в составе ефрейтора Гаджиева и мл. сержанта Васильева прибыл для получения Приказа на охрану Государственной границы СССР. Старший наряда ефрейтор Гаджиев!»

Сумерки быстро превратились в ночь. Сильный дождь уже кончился, но теперь он сменился мелким и морозящим. Но для человека, привычного к непогоде, он был неощутим. Итак, в путь.

Вот человек спустился в долину и сразу почувствовал, именно почувствовал, а не услышал где-то вблизи журчание воды. Ее слабое журчание на перекатах почти сливалось с шорохами капель дождя. Но он понял — это река. А вот и дорога. Теперь идти можно, по крайней мере до линии границы уже ничего не опасаясь. Местные жители в это время вблизи

границы не появляются, до ближайшего селения более 3-х километров. Но все равно, лучше передвигаться по обочине дороги вдоль зарослей приречного кустарника — это гарантирует от любых неожиданностей. И хотя ночь уже окутала своим покрывалом всю прилегающую местность, а мелкий дождь усиливал невидимость, все равно нужно быть очень осторожным. Общеизвестно, что на советской стороне пограничники несут охрану круглые сутки. Возможен и секрет на этом направлении, тем более, что уже стали применяться приборы ночного видения. Осторожно, неслышно и невидимо незнакомец добрался до линии границы. И только, когда он почти наткнулся на шлагбаум, перекрывающий дорогу, до него дошло, что уже несколько метров он прошел по советской территории. Вот теперь нужна предельная осторожность. Идти приходится краем леса, мокрые ветки нещадно стегают по лицу, корни и старые коряги ставят подножки — только бы не упасть и не наделать шума, только бы не сопровождать движение треском веток. Казалось, сама природа ставила препоны и подножки незваному гостю. Но он к этому был давно готов, хорошо тренирован и привычен к таким условиям, поэтому двигался осторожно и неслышно, как лесной зверь.

Продвигаясь в таком темпе, он не представлял, сколько уже прошел, когда горы наконец расступились и перед ними открылась довольно широкая долина, река ушла куда-то влево, а он оказался на большой поляне: кромка леса, вдоль которого он двигался, резко ушла вправо. Там просматривались очертания довольно крутого подъема в гору.

– «Нет, в гору мне не нужно, мне нужно пройти долиной», – почти лихорадочно, но хладнокровно работала мысль. «Теперь необходимо каким-то образом пересечь поляну. Это хорошо, что моросит дождь и ночь черна — издали меня никто не обнаружит».

Но одновременно и плохо, потому что приходится напряженно осматривать, если это можно так назвать, землю, прежде чем сделать очередной шаг. Осматривать, скорее приходилось ногами, чем глазами. И лишь когда его что-то смущало, он, пригибаясь к земле, пытался разглядеть это глазами.

– Где-то здесь может проходить вспаханная контрольно-следовая полоса.

Итак, он вынужден был передвигаться медленно, полусогнувшись, пристально оглядывая очередной метр-два местности.

– Пока под ногами травяной покров. Значит еще не КСП, значит можно уверенно наступать... – эта мысль повторялась в его сознании при каждом очередном шаге.

И после очередного такого шага вдруг рядом с ним, всего лишь в нескольких метрах, раздался ружейный выстрел. От неожиданности он на какой-то момент замирает и даже приседает, как бы увертываясь от предполагаемой пули, хотя хладнокровие не покидает его.

– Пусть стреляют еще раз, бежать уже бессмысленно.

Проходит время, он, хладнокровно подчинившись судьбе, ждет выстрелов или окрика пограничников. Но ни того, ни другого не последовало. Только дождь все с той же назойливостью продолжал шуршать по листве прятавшего его до этого леса. Тишина стояла в долине.

– Что это было? – анализировал его мозг, – если это какая-то система сигнализации, то почему никто не реагирует? Вероятно, на этом участке никого нет. А если это так, то можно двигаться вперед. Только более осторожно.

Постояв в таких раздумьях несколько секунд, он медленно продолжил свое продвижение. И ничто больше не нарушало тишины. Еще несколько шагов вперед. Все нормально, все тихо. И вот после еще нескольких таких же осторожных шагов... раздается очередной выстрел в такой же близости от него, как и первый. Он замирает уже без того хладнокровия, которое владело им первый раз. Но паники пока нет. Нужно хладнокровно осмыслить, что это такое?

Запаниковал он через несколько секунд, когда сначала услышал топот солдатских сапог где-то еще далеко, потом увидел рыскающий свет фонаря, быстро приближающегося с противоположного склона. Похоже, его и этот фонарь разделяли 300-400 метров. Значит, есть еще время для отступления. И он отходит к спасительному лесу.

Гаджиев с Васильевым долго подкалывали друг друга по поводу упущенного зайца — «Какое жаркое упустили!».

В долине стояла тишина.

Только дождь шелестел в листьях букового леса. Настало время очередного обхода участка. Тихо спустились в долину, перешли через реку — очень приятно постоять на подвесном мостике, слегка покачиваясь и слушая, как звуки речных перекаатов переговариваются с шепотом моросящего дождя, да слегка поскрипывают тросы мостика. И сколько не всматривайся, все равно ничего не увидишь, кроме темных контуров склонов гор на фоне темного же неба. А вот прослушать все нужно.

Но тихо в долине.

Только разговор дождя с рекой.

Вот впереди огромная поляна. Самое плохое место всего участка. Там по всей поляне поставлены растяжки. Обязательно в течение ночи то заяц пробежит, то олень (в этом месте водились очень красивые пятнистые олени). Бывает, что и кабаны забредают. Ни одна ночь не бывает спокойной.

В то время граница была еще недостаточно сильно оснащена техническими средствами — самым надежным было КСП, проходящее по всему участку. Это в последние годы вдоль всей границы созданы великолепные насыпные КСП. В те годы КСП представляло собой перепаханную на заставских лошадях полосу естественного грунта. Попадались камни, крупные глыбы грунта, дожди постоянно уплотняли полосу — не будешь же ее перепаживать каждую неделю! А еще вдоль всей КСП шел самодельный частокол. Заборы из колючей проволоки и системы были большой роскошью, и на данном участке их еще не было. Поэтому наиболее сложные участки связисты-умельцы перекрывали самодельными устройствами — в частности, растяжками с холостыми патронами. Провод протягивался на уровне травы и был незаметен даже днем. Когда днем срабатывал патрон, то часовой с вышки мог видеть место сработки и принимать соответствующее решение — то ли заяц пробежал, то ли ветка упала. Иное дело ночью, когда ориентироваться можно было только по звуку. Поначалу, проклиная умелых связистов, бегали по каждой сработке, проверяли причину. Но потом осознали бессмысленность такого метода — стали ставить несколько эшелонов растяжек, расположенных в шахматном порядке. И проверять стали лишь в том случае, когда было 2-3 срабатывания подряд. Потому что одиночных за ночь было по несколько сработок. Наутро связисты шли «перезаряжать» сработавшие растяжки.

Сегодня, на удивление, пока все было спокойно, хотя прошло уже около 5-ти часов их дежурства. Похоже, что в плохую дождливую погоду даже дикие звери не получают удовольствия от ночных прогулок.

Поднявшись до вышки, наряд включил ФАСовский фонарь и двинулся в обратном направлении — еще раз тщательно проверили КСП. Опять добрались до своего укромного «заячьего места». Новый привал. Медленно движется время. Тихо шелестит дождь.

И вот происходит то, чего надеялись избежать в эту ночь — срабатывает растяжка на противоположном берегу реки

— Все-таки какая то зверюга вышла погулять, — раздосадовано вырвалось у Гаджиева. - С рассветом проверим, дадим заявку связистам.

И опять нужно слушать тишину.

— Сейчас будет вторая сработка, если заяц не вернулся с перепугу назад. А если это был кабан, то будет целая очередь сработок — порвет все растяжки на своем пути. Этого гада ничем не испугаешь! - соглашается с ним напарник. — Будет завтра работа связистам.

Снова все тихо. Дождь, кажется, перестал шелестеть листьями буков. — Он, конечно, не перестал, просто мозг в этот момент напряженного вслушивания сам игнорировал и отсеивал все эти ставшие уже обычными шумы.

— Нет, тишина! Видно косой с перепугу рванул обратно в сухое место.

Снова начали располагаться в своем укромном насиженном месте. Рано обрадовались! В это время раздается очередной хлопок и почти в том же месте.

– Что это, Викторка? – в голосе Гаджиева почувствовалась тревога. В темноте, кажется, даже лицо его побледнело. – Почему был такой интервал, я с таким еще не сталкивался!

– Да, Гаджи, накаркал ты на нашу голову. Предупреждал я тебя, что глупые у тебя шутки! Кажись, это не дикий зверь. Это может быть даже двуногий!

В какую-то минуту ребята смотрят друг на друга, как бы взглядом убеждая друг друга, что ситуация необычная. Потом без всякой команды одновременно срываются с места, на ходу сбрасывая плащи, которые теперь уже становятся помехой в движении. Они сами слышат топот собственных сапог и удары сердца и кажется им, что всем этим топотом заполнилась вся долина.

– Виктор, врубай фонарь. Все равно нас слышно за километр. А то мы в темноте еще и свои кости переломаем.

На бегу освещая КСП, парни добежали до злополучной поляны. Встали. Теперь они слышат только стук собственных сердец. Сбившееся на бегу дыхание тоже мешает слушать местность. Фонарем, как прожектором, осветили поляну. В пределах видимости никого нет. Даже дождь перестал, только по опушке леса стелилось что-то типа легкого тумана. Искать места сработок было ночью бесполезно, главное – нужно срочно проверить местность и КСП. Пошли от самой дороги вдоль по кромке леса. Просвечивали сквозь кустарник, но луч фонаря пробивал лишь несколько метров и терялся в ветвях и тумане. Никого. И полная тишина. Даже дождь уже не шелестел в ветвях кустарника.

– Что будем делать, Викторка? – с надеждой обратился старший наряда к своему коллеге.

Гаджиев был отличный службист, но он никогда не попадал во внештатные ситуации. И сейчас он очень надеялся на сообразительность смышленного москвича. В этот момент они находились у кромки леса как раз в створе предполагаемой сработки. Они уже убедились, что КСП не нарушено, соответственно, нарушения государственной границы не зафиксировано, а на душе все равно было тревожно. Будучи уверенными, что в эту темную ночь они невидимы даже в нескольких метрах, они шепотом, почти на ухо друг другу начали обсуждать варианты.

– Гаджи, предлагаю вариант: я остаюсь на месте и замираю вот в этих кустиках на опушке, ты, с фонарем освещая местность, движешься вверх в сторону вышки. По ходу громко разговаривай, словно ты идешь не один. Я в это время сижу и слушаю местность. Если кто-то есть, то, пользуясь случаем, он попытается уйти лесом, и я сразу услышу шорох. Буду стрелять. В этом случае ты возвращаешься. Если у меня спокойно, то, поднявшись до вышки, ты даешь осветительную ракету, и мы сможем осмотреть всю местность.

– Правильное решение, толковое, – прошептал Гаджи и медленно, разговаривая с умным человеком и освещая местность по ходу движения, двинулся в гору.

Младший наряда остался на месте, как и обговорили, в каком-то метре от ближайших кустов опушки леса. Он никогда ничего не боялся: «когда автомат в руках, чего бояться. В случае чего — от живота веером...» – всегда считал он. А тут вдруг ему стало... нет, не страшно. Стало жутковато. Так жутковато, как было в Карелии, когда он шел по болотам и вдруг в каком-нибудь месте болото из недр своих словно дышало каким то странным жаром. Это было непонятно. И поэтому жутко. Вот такое же чувство обуяло его и здесь. Так и казалось, что нечто или некто наблюдает за тобой. «Что же это я прямо у кустов уселся? – мелькнула вдруг мысль. – Если и вправду кто-то есть, то я даже и среагировать не успею... чтобы “от живота веером”».

Он медленно и бесшумно перемещается на десяток метров от этих неприятных и как бы наблюдающих за ним кустов.

Мог ли он в эти минуты знать, что вся его хитрость и бесшумность контролируется прищельцем, который стоит всего лишь в 2-3 метрах от него, воедино слившись со стволом ближайшего бука.

В это время взрывается осветительная ракета. Вся местность освещена как днем. Видна вся долина. Виктор оглядывает все внизу, Гаджи видит все сверху.

Тишина. Никаких движений и шорохов. Да и откуда им взяться, если все перемещения и действия наряда уже давно контролируются прищельцем.

Старший наряда спускается вниз.

– Что-то мы с тобой сегодня немного перебдели, не говоря хуже!.. Ведь сколько сработок за ночь бывает. Нормально же ребята реагируют. Звонят на заставу — ни разу ведь «тревожку» не вызывали по таким случаям. А ты сбил меня с толку, — «зверь это может быть двуногий». Ладно, пойдем звякнем на заставу. Изложишь ситуацию сам.

На заставе тоже информацию восприняли спокойно. Действительно, это рядовая ситуация. А интуицию к делу не пришьешь. Дежурный по заставе сказал:

– Скоро к вам выйдет проверка. Старшина Демьяненко. Ему все покажете на месте, коль такие вы бдительные, мать вашу!

Пришелец замер на опушке леса. Он встал в кустарнике рядом с толстым буком. Вот уже свет фонаря появился на этом берегу реки, вот прошли по КСП. По движениям видно, что спешат и даже взволнованы. И вот они уже на опушке и идут точно по направлению к нему, освещая опушку фонарем. Свет фонаря скользнул по его ногам и прикрывающему его кустарнику. Но, видно, пограницы его не разглядели. А может... Почему они остановились в 5-7 метрах от него и о чем-то перешептываются. Неужели готовятся к захвату? Осторожно переминаясь с ноги на ногу, он плечом упирается в дерево. Обеими руками впился в свой посох, держа в руках свое единственное оружие — добротный охотничий нож. Он готов ко всему. Все нервы и мускулы напряжены. Одна единственная мысль — с какой стороны будут заходить?

«Неужели пронесло?» — он услышал удаляющиеся голоса, точнее пока один голос. Вглядываясь в крошечную тьму, он сумел разглядеть, что второй пограничник остался на месте и сидит на корточках всего в 3-х метрах от него. Вот начал оглядываться по сторонам и чаще смотреть в сторону леса — неужели даже дыхание меня выдает? Замер. Затаил дыхание. Лезвие ножа пытался держать за посохом, чтобы не блеснуло невзначай при очередном освещении фонарем. Неожиданно для него в небо взмывает ракета. Все светло как белым днем. Только кустарник да молоко тумана скрывают прищельца, а он в это время сумел хорошо разглядеть местность. Он увидел, что подъем в гору, куда ушел второй, может быть хорошим убежищем.

Как только пограничники скрылись за рекой, прищелец снимается со своего места, к которому, как ему показалось, он приклеился за эти полчаса. Он углубляется в лес, надеясь, что там его не подстерегают неожиданности, и уже более смело поднимается вверх. Найдя укромное место в кустах, он по-хозяйски наломал лапника с ближайших елей. На них он лег и ими же накрылся. Опасность миновала. Дикое напряжение последнего часа постепенно прошло, организм расслабился, и сон взял свое. К этому времени уже начало светать. Было около 4-х часов утра.

Нужно для дальнейшей безопасности как следует изучить местность и порядок движения нарядов. Дальше рисковать напропалую не стоит.

Доложив на заставу о происшествии и успокоив себя, наряд еще несколько раз проходил и проверял КСП на подозрительном участке. Начало светать, беспокойная ночь походила к концу. Теперь они могли визуальным образом просматривать весь охраняемый участок. Около 5 часов утра, когда уже полностью рассвело, снизу от реки они увидели приближающуюся проверку. Их удивило, что старшина Демьяненко — опытный инструктор службы собак, был без своего Пирата. Это еще раз дало возможность устыдиться своей паники.

– Ну, докладывайте, кто Вас тут так напугал? — обратился старшина к Гаджиеву. В голосе его чувствовалось легкое подтрунивание.

Гаджиев, будучи великолепным службистом, обстоятельно рассказал о ночном происшествии, не упустив никаких мелочей. Демьяненко довольно долго размышлял и как бы впервые оглядывал всю местность. Видно осмысливал, звонить на заставу или самому принимать решение. Чувствовалось, что после рассказа Гаджиева в нем боролись два чувства — и беспокойство, и нежелание самому глупо выглядеть в простейшей и почти обыденной ситуации, над которой он сам несколько минут назад подтрунивал.

И решение принял:

– Вы продолжайте несение службы, а я с напарником проверю подозрительное место.

Они долго бродили в кустарнике и по опушке леса. К этому времени туман, появившийся после дождя, стал еще гуще, особенно сильно он стелился в лесу и над рекой.

Перед уходом старшина сказал:

– Проверил все, никого нет. Следов серьезных тоже не обнаружил – трава после дождей везде сильно полегла. Да и ваших следов полно. За участком понаблюдайте, задание связистам напишу сам.

Эх! Был бы он с собачкой, все было бы по-другому. Его Пират бы не подкачал!

Проверка удалась, а в 6 часов с участка снялся и «часовой границы».

В 8.00 на этом участке заступил на службу «часовой границы» на вышке.

Пробуждение было неожиданным — пришельцу показалось, что на его «еловое одеяло» что-то упало.

Солнце было уже почти в зените и хорошо прогрело постель незнакомца и его самого. Ночное происшествие заставило его быть еще более осмотрительным. Поэтому, прежде чем вылезать из под «одеяла», он решил оценить ситуацию – где он, сколько времени, какая обстановка вокруг. И что это его разбудило?

– Матка бозка, – чуть было не вырвалось у него, когда он бросил первый взгляд вверх — его лежанка располагалась в каких-то 20-25 метрах... от пограничной вышки.

«Как же я не заметил ее, когда ракета освещала местность?»

Его спасали только густо разросшиеся заросли кустарника. На вышке ходил пограничник и грыз яблоки, иногда он останавливался и пытался подальше забросить огрызки. Один из них, видимо, и угодил в эти кусты.

Ситуация безвыходная — нужно замереть и ждать. Сколько это может продолжаться — неизвестно. Но не будет же он постоянно ходить. Может быть утомится. Нужно выждать такой момент. И он настал. Пришелец услышал, что пограничник с кем-то разговаривает. Нет, это не разговор по телефону — он слышит голоса в ответ, раздающиеся из-за КСП. Это мимо вышки проходил «дозор». Несколько минут хватило пришельцу, чтобы аккуратно выбраться из своего убежища и, перемещаясь от куста к кусту почти по-пластунски, постоянно прислушиваясь к доносящимся голосам, удалиться в глубину леса. Настало время для осмысления сложившейся ситуации и принятия единственно верного решения. Тем более, что, похоже, снова начинается дождь — солнце закрыли рваные черные тучи, а где-то за горами уже гремел гром.

Вернувшись со службы, Гаджиев с Васильевым, быстро почистив оружие, позавтракали и, уже позабыв о ночном происшествии, ушли спать. Молодой организм отключился сразу при первом прикосновении к подушке. Сон пограничника всегда глубокий, но очень чуткий — он услышит даже вполголоса произнесенные слова дежурного «Подъем! На службу».

Сегодня же их разбудило тревожно и громко прозвучавшее: «Застава! В ружье!».

И сразу сердце ёкнуло в каком-то плохом предчувствии — неужели ночью все-таки что-то было.

– Застава! В ружье, – еще раз раздался голос дежурного по заставе и далее: – Гаджиев, Васильев! К начальнику заставы.

– Товарищ капитан... – начал было Гаджиев, но тот прервал его и по-простому неуставному:

– Ребята! Быстро. Что у Вас было ночью. В каком месте?

– На левом фланге, на открытой поляне у реки, товарищ капитан...

– Все сходится. Обнаружены следы в наш тыл на левом фланге. В трех километрах от вышки. Примерно в середине фланга. Вы оба поступаете в распоряжение лейтенанта Савченко и выдвигаетесь с тревожной группой кратчайшим путем к месту обнаружения следа.

Стандартное «Слушаюсь!», поворот на 180 град. И бегом на выход. Теперь время работало против них, да и против всей заставы — если нарушитель безнаказанно сможет уйти — это уже прорыв. Это страшное ЧП.

Когда они вышли, лейтенант Савченко был уже верхом, в тревожную группу входило еще 2 человека и собака. Рванули сразу без всякой дополнительной команды — Савченко верхом, остальные бегом до ближайшего подъема, который начинался на изгибе шоссе около моста через реку. Обычно отсюда наряды выдвигались на дорогу, ведущую к «центру», чтобы следовать на левый фланг. Наряды движутся, как правило, по дороге до «центра» и далее по дозорной тропе. До предполагаемого места обнаружения следа это около 6-7 километров. Тревожная группа идет кратчайшим путем — от моста крутой подъем вверх. И, хотя местность здесь считается труднопроходимой, но этим путем можно было срезать около 4 километров.

Одновременно с тревожной группой Савченко, другой заместитель начальника с нарядом более 10 человек уже бежали по шоссе дальше, чтобы отрезать путь нарушителю к дороге. Часть из них осталась, чтобы рассредоточиться в секретах вдоль шоссе, другая стала подниматься в гору, перекрывая значительную часть зоны отхода с левого фланга. По тревоге была поднята и соседняя застава, которая взяла на себя часть территории ближе к своему стыку. Таким образом, со стороны шоссе был перекрыт весь левый фланг. Если след свежий, то нарушитель не успел еще выйти к шоссе и скрыться. Значит, в наш тыл он уйти не сможет. Если след свежий?.. Но возможен и его отход назад к линии границы. А там на весь фланг всего один наряд. Два человека.

Когда Савченко с тревожной группой прибыл к месту обнаружения следа, там их ожидал наряд, его обнаруживший и охранявший след до прибытия тревожной. КСП по диагонали пересекали явные следы человека. Переходил похоже что босиком. Разобрались быстро. Около 12 часов начался сильный ливень с грозой, и нарушитель, вероятно, решил этим воспользоваться, чтобы пересечь полосу. Он надеялся, что ливень размочит следы, и они будут сразу не очень заметны. Но ливень, как неожиданно начался среди солнечного дня, так быстро и прекратился. Следы остались не размытыми. Судя по сопоставлению времени окончания дождя, наряд обнаружил следы минут через 15-20 после окончания дождя.

От этого места до шоссе было чуть более 2 километров крутых спусков и подъемов, старый буковый лес, огромное количество старых опавших листьев, старые завалы из деревьев. Преодолеть эти 2-3 километра даже за полчаса довольно сложно.

Савченко принимает решение идти по следу — другого и быть не могло. Собака сразу взяла след и мощно рванула вниз — инструктор только успевал переставлять ноги. Остальные еле успевали, хотя бежать вниз — это не подниматься в гору. Савченко верхом петлял по лесу, осматривая все кустарниковые заросли, но не опережая собаки.

Вот впереди последний спуск перед шоссеиной дорогой. Уже слышен звук проезжающих машин, хотя самой дороги еще не видно. Лес становится все реже и реже. Собака стала просто рваться с поводка. Савченко заметил первым, что навстречу группе бежит человек. Вопреки логике он бежит от шоссе и поднимается в гору. Скорее всего, он уже обнаружил поисковые группы, выдвинутые на шоссе. Он еще не видит рвущейся наперерез ему тревожной группы, не видит собаки.

А может быть, это не он? Может быть, это местный житель случайно оказавшийся здесь. И бежит с перепугу. Нет! Это нарушитель — у него на шее наперевес висят ботинки, бежит он босиком. Почему он бежит в сторону границы стало ясно всем, когда увидели, что со стороны шоссе его уже преследует другая наша тревожная группа.

Когда нарушитель преодолел очередной небольшой подъемчик, он поднял глаза и увидел перед собой рвущуюся вперед собаку, четыре направленных на него дул автоматов и буквально свалившегося на него офицера.

Он понял, что это конец. Он проиграл! Но неожиданно для всех, Савченко, прямо с лошади оседлавший нарушителя, вдруг резко буквально отлетает в сторону от него. Тот напоследок, решив показать себя, провел какой-то боевой прием, сбросив с себя лейтенанта. От такой неожиданности кто-то из тревожной группы дал автоматную очередь.

– Отставить! – буквально взревел Савченко, поднимаясь с земли одновременно с обидчиком. Тот стоял уже с поднятыми руками, окруженный со всех сторон направленными на него стволами.

– Какой придурок стрельбы устроил? Перестрелять друг друга захотели? Куда он денется?

– За Вас испугались, товарищ лейтенант, — промямлил стрелявший.

Собака, успокоенная проводником, сидела смирно, но не спуская своего пристального взгляда с нарушителя. Только изредка поглядывала на своего инструктора, как бы ожидая от него одобрения такого поведения.

Эпилог.

Вначале нарушитель был доставлен на заставу. Затем был получен приказ отправить его в комендатуру — это в 5км от заставы. И вот на виду у местных жителей по шоссе движется группа — впереди верхом лейтенант Савченко, затем мужчина в грязной оборванной одежде со связанными сзади руками и ботинками наперевес на плече. И завершают два пограничника с автоматами наизготовку.

Действия наряда Гаджиев-Васильев признаны правильными и грамотными. Нарушитель описал всю ночную ситуацию до последней мелочи.

Комендант участка, выражая благодарность наряду, сказал Васильеву: «Твое счастье парень, что ты был с ним рядом и не обнаружил его. Иначе могло так случиться, что не увидели бы мы ни его, ни тебя в добром здравии. Видел, как он Савченко... Считай, родился в рубашке!»

Нарушение границы было предотвращено.

Лейтенант Савченко за захват нарушителя был награжден медалью «За отличие в охране Государственной границы СССР», ефрейтор Гаджиев поощрен отпуском на родину на 10 суток, мл. сержант Васильев получил почетный нагрудный знак «Отличный пограничник» и сфотографирован у развернутого Знамени части.

Вот такая была ночная история с дневным продолжением!